

*Хорошо на свете жить,
У всего свои приметы,
Что печалиться, тужить,
Моя песенка не спета.*

Отпечатано в типографии «ПринтЭкспресс»,
г. Курган, ул. К. Цеткин 11/2, тел. 50-10-00.
Оригинал-макет подготовлен в центре «Отделка»,
г. Курган, ул. 4-я Билибинская 8-16, тел. 54-20-53.
Заказ 908. Подписано в печать 11.02.2009. Тираж 200.

ЛЮБОВЬ
АНДРЕЕВА

ПТИЦЫ ЛЕТЯЩИЕ

СТИХИ

5-5-4-07951 М ХЗБ
23 А

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВА

ПТИЦЫ ЛЕТЯЩИЕ

СТИХИ

**Курган
Центр «Отклик»
2009**

**Издательское объединение
Курганской областной писательской организации
и центра «Отклик»**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ОБЪЕДИНЕНИЯ

В. Ф. Потанин, член Высшего творческого Совета Союза писателей России; **И. П. Яган**, секретарь Правления Союза писателей России; **Г. А. Травников**, народный художник России; **В. И. Филимонов**, ответственный секретарь Курганской областной писательской организации; **Л. Я. Витебский**, директор центра «Отклик».

Андреева Любовь Харитоновна.

А 65 Птицы летящие. Стихи.

Курган. – Центр «Отклик». – 2009. – 120 с.

© Л. Андреева, 2009.

НЕМНОГО О СЕБЕ

Я родилась в селе Заложное Варгашинского района Курганской области в крестьянской семье. После окончания Мостовской средней школы переехала в Курган, где начала свой трудовой путь на Асфальтобетонном заводе Ремстройтреста. Затем работала каменщицей, бетонщицей на строительстве промышленных объектов и жилых домов.

Как журналист начала свой путь в редакции газеты «Молодой Ленинец». Затем более 30 лет проработала на ОАО «Икар» – Курганском заводе трубопроводной арматуры редактором радиовещания и редактором заводской газеты «Маяк».

Первые стихи большой подборкой были напечатаны в областной газете «Советское Зауралье». Окончила Литературный институт им. А. М. Горького СП СССР. Была участницей V Всесоюзного совещания молодых писателей в г. Москве и региональных поэтических семинаров.

Стихи печатались в «Литературной Газете», «Литературной России», «Московском комсомольце»; журналах «Крестьянка», «Техника-молодежи», «Урал», «Тобол», «Сибирский край», «Наука и образование Зауралья» и других, а также в альманахе «Поэзия», в антологиях «Рабочая поступь России», «Час России», «Поэты Урала», «Русская советская поэзия Урала», передавались по Всесоюзному радио, выходили отдельными сборниками.

Член Союза писателей России.

...

Здесь куролесил ураган,
От тёмной силы зол и пьян.
Прошла неделя и опять
В лесу покой и благодать.

Кого спросить: зачем он был,
Зачем берёзу он сломил?
Она давным-давно росла,
Она красавицей была.

Вон сосны, корни вверх подняв
Так и лежат без всяких прав.
Уж человек там побывал,
Одну из них раскряжевал.

Но почему-то не увёз,
Зачем пилил – вот в чём вопрос?
Возможно, как и ураган,
Он куролесил, зол и пьян.

Чего гадать, всё это жизнь.
Держись, берёзонька, держись.
Хоть нет верхушки, сломан сук.
Всё ж над тобою солнца круг

И птица вольная летит,
И у рябинки свежий вид.
Знать не напрасно ты росла,
Твоя земля тебя спасла.

А то, что ураган прошёл
Для всех нас очень хорошо.

РЯДОМ СО МНОЙ

Л. М.

Приглядитесь к тому,
Как весной трава прорастает.
Верхний слой пробузив,
Из земли тянет к солнцу ростки.
Их щемящая зелень
Невольно твой взор привлекает.
И как дети они и малы и робки.

Их легко заглушить,
Погубить колесом и ногою,
Прищемить, затоптать,
Даже вырвать совсем из земли.
Но простит ли весна,
Если чадо её дорогое
Так бездушно погибнет
И будет влачиться в пыли?

Не поднимется ветер,
Не вскрикнет летящая птица,
Ничего не изменится
В тёплой густой синеве.
Так зачем же ей было
К высокому солнцу стремиться,
Пробиваться на свет
Этой яркой, зелёной траве?

Я оставлю ростки,
Осторожно пройду стороною.
Посмотрю, полюбуюсь
И радостно сердце замрёт.
Я не трону траву, пусть живёт
Она рядом со мною,
Принимает дожди
И летучее семя даёт.

НАЕДИНЕ С РЕКОЙ

Я могла бы на землю явиться дождём,
Долгожданным, весенним, с серебряным звоном.
Или снегом пушистым, что в небе рождён
И на твердь поднебесную послан с поклоном.

Ни сверкающим снегом, ни тёплым дождём,
Человеком мне выпало счастье родиться,
Чтобы видеть, как выюга в степи веселится,
Чтобы слышать, как в тучах свирепствует гром.

Я люблю эту землю любовью такой,
Что душа замирает от сладкого счастья.
Я в поклоне склоняюсь пред вечной Судьбой,
Ты продли мои дни своей высшею властью.

Я прошла босиком по росистой траве,
У неспешной реки я очистила душу.
Мне по-птичьи не петь, не парить в синеве,
Но ни птиц, ни деревьев я покой не нарушу.

Стрекоза пролетела и рыба плеснула вдаль,
За рекою слышались женские крики.
Все мы – дети природы и тайна земли
Перед миром и вечностью равновелики.

ХОРОШО НА СВЕТЕ ЖИТЬ!

Самый лучший месяц май –
Это я скажу любому.
Снова силы собирай
Да на речку или к дому.

Огород иду копать,
Высевать быстрее растенья.
Ах, как радостно встречать
Солнца красного явление.

Благодатная пора,
Деревенская работа.
Хлопчу, пою с утра –
Толку нет, а жить охота.

Заневестилась земля
И сирень залиловела,
И в раскрытые поля
Птичья стая полетела.

Хорошо на свете жить.
У всего свои приметы,
Что печалиться, тужить,
Моя песенка не спета.

А распустятся цветы
Повсеместно и безвестно,
И деревья, и кусты
Разовьются так прелестно.

Остаётся только мне
Ожидать дождя и грома,
Да в родимой стороне,
За работою у дома.

В ПРЕДЗИМЬЕ

По широкому тракту метался встревоженный ветер
И в поля уходили столбы, высоки и прямы
И с востока спускался измученный вечер –
Всё вокруг предвещало приход запоздалой зимы.
В эту пору здесь редко шумели машины.
Шофера не спешили, стремясь осторожными быть.
На дорогу устало смотрели мужчины,
Им хотелось добраться до места и груз сохранить.
И откуда он взялся, как редкая птица,
Из далёкой эпохи достучавший до нас драндулет
Шелестя и гремя, мотоцикл вдоль по тракту катился,
Фонарём излучая холодный рассеянный свет.
Кто он этот смельчак, что в предзимье на скорости гонит?
Что заставило ехать его по дороге такой?
Может зубы сцепив, он от боли и горечи стонет,
Иль пьянея от радости, счастье торопит домой.
Только всё это разом озарило угрюмую местность.
И наполнило смыслом дорожный изменчивый быт
И не так уж страшна показалась моя неизвестность,
Если вьюга нагрянет и россыпью снег полетит.

Тяжело возвращаться на родину:
Дома нет, огород опустел.
Кто-то выкопал нашу смородину
И вокруг такой беспредел.
Затянуло усадьбы бурьянами
Там, где площадь была – травостой.
Затерзают их вьюги с бурянами,
Как зима придёт на постой.
Сколько лет печаль меня мучает:
Кто изгнал нас с родимой земли?
Почему, по какому случаю
Из деревни мы в город ушли?
Скажут – это война, безотцовщина
И стремленье куда-нибудь ввысь.
Вот и брошена милая отчина,
Навсегда перевернута жизнь.
Это так, плюс ещё романтика,
Институты и разные ГЭС.
Не осталось от юности бантика,
Промелькнула, как яркий экспресс.
А на родину очень хочется,
Собираюсь который год.
Только ждёт меня там одиночество,
А вернее никто не ждёт.

ПТИЦЫ

1. Воробей

Неизнеженный лаской воробышек,
Толстокорого тополя друг.
Что волнуешься, милый поскрёбышек,
Что ты смотришь с надеждой вокруг?
Крошку бросили, зёрнышко вымели,
Каплей вспоен и семечком сыт.
Химикаты тебя не осилили,
Птичий рынок тебе не грозит.
Твои предки терпели лишения,
Но летели за пахарем вслед.
Обживали дворы, поселения
И птенцов выводили на свет.
Земляков своих в лютые зимы
Согревал и подкармливал мир.
И народом российским хранимы
Воробьи обживали Сибирь.
С каждым годом всё меньше пернатых,
Гуще дым и опасней смог.
Что глядишь, воробей, виновато,
Словно ты им, родным, не помог?

2. Голубь

Что клюёшь ты, чего собираешь,
Обладатель цветного крыла,
Ты, наверно, здесь часто бываешь,
Я давно уже здесь не была.

Ах, ты, голубь, заветная птица,
Ах, привет тебе, милый, привет.
Как успело здесь всё измениться,
Всё ж осталось немного примет.

Это только нам кажется, будто
Всё исчезло и годы прошли.
Как тогда начинается утро
И ромашки идут из земли.

И не ведает тополь уцербя,
И ветла, как и прежде, светла,
И весёлая тонкая верба,
Там растёт, где и раньше росла.

3. На карнизе окна

Как воркуют они, как танцуют,
На чуть тёплом карнизе окна,
Как их крылья беспечно ликуют –
Это голуби: он и она.

Здесь весна величаво хлопочет
О тепле наступившего дня.
И капель звуковым многоточьем,
Вниз летит, по карнизу звеня.

Все влюблённые в мире беспечны.
Уж об этом-то ведомо мне,
Но влюблённости дни быстротечны
Даже в юности, по весне.

Но голубка и знать не захочет
Обаянья и страсти полна,
Что ей мудрость чужая пророчит
Да к тому же ещё из окна.

Вы не бойтесь ни крика, ни камня,
Не достанет до вас даже кот.
Где весна – там любовь и признанья,
А влюблённым и в жизни везёт.

Как воркуют они, как танцуют,
На чуть тёплом карнизе окна,
Как их крылья беспечно ликуют –
Это голуби: он и она.

4. Синицы

Как в заветрии синицам благодать.
Можно семечки и крошки собирать.
Насорил их здесь народец городской,
Что стоит на остановке день-деньской.

Вот и зимушка в места наши пришла,
Берегись её студёного крыла,
Как почистит она перышки-снега,
Станут белыми речные берега.

Вам, синицы, как морозы пережить,
Чем кормиться, где храниться, с кем дружить?
Вон рябина одинока и красна
Ягод даст на пропитание она.

Солнце зимнее не греет и не жжёт,
Никакой вас враг зимой не стережёт,
Вы легки и в своих действиях вольны,
Никому давать отчёта не должны.

А зима и для людей она – зима,
Потрясёт и поубавит закрома.

5. Сорока

Среди грязноватых домов
И машин бесноватых,
Среди сероватых деревьев
И бледных осенних небес
Летела сорока, куда ты,
Сорока, куда ты,
Какой у тебя к городским
Деревам интерес?
Ты глянь как на юг
Устремилась последняя стая.
Чего ж ты уселась
На голой берёзе одна?
Уж скоро зима
И посыплет пороша густая,
И к нам сквозь заносы
Не скоро пробьётся весна.
Сидела сорока
На ветке легка, невесома,
Следя за движеньем
И всё, озирая окрест.
Чего ей искать,
Если здесь она дома,
Зачем ей лететь
От родимых, насиженных мест?

Чайки

1.

В разгаре лета, в глубине июля
Меня морские чайки обманули.
Они весь день на северном причале
Хорошую погоду предвещали.

Они летали над водою низко.
И я решила, что могу без риска,
Отшвартовавшись от причала вскоре
Уплыть на белом пароходе в море.

И в небе солнце радостно светило,
Но час пришёл и волны зазнобило.
В залив наперекор моей примете
Ударил резкий, ураганный ветер.

Был шторм – заливу радость, а мне горе,
Я не попала ни в какое море.
Зачем меня, вы, чайки обманули
В разгаре лета, в глубине июля?

2.

Нашу лодку речка синяя качала
В двух саженьях от забытого причала.
А над лодкой чайка белая кричала.
Я на крик ей так примерно отвечала:

Что ты вьёшься надо мной седая птица
Или может быть со мною что случится,
Что тоскуешь у забытого причала
Или рыбы в нашей речке тебе мало?

Чем тебя я успокою, дорогая.
Может быть ты не речная, а морская?
Не тебя ли, к океану пролетая,
Потеряла обессилевшая стая?

Ах, не плачь ты, не кружись над речкой чайка.
И печаль твоя, и боль твоя случайны.
Возвращаются по осени все птицы.
За тобою твоя стая возвратится.

Будет радость у тебя, со стаей вскоре,
Ты забудешь нашу степь и нашу воду.
Поклонись же от меня, седая, морю,
Человеку поклонись и пароходу.

3.

Не сорок и не галок зобастых,
И не юрких, весёлых синиц,
Я кормлю длинноногих, горластых,
В кинофильмах прославленных птиц.

Белых чаек, весна их не греет
И не кормит, Тобол обмелел.
Над водой они больше не реют,
Ящик с мусором – вот их удел.

Чайки робкими были вначале,
Пропускали вперёд голубей.
Попривыкли, нахальными стали,
Хлеб хватают быстрее и грубей.

Нынче мало в реке окунишек.
И летят на помойку они,
Мне напомнив голодных мальчишек,
Беспризорных в недавние дни.

Что-то будет иль что-то случится.
Я поверю опять в чудеса.
И прекрасные, белые птицы,
Наши чайки умчат в небеса.

И опять по весне возвратятся,
Как и нынче вернулись они.
На реке снова станем встречаться,
Полной рыбы, как в лучшие дни.

Простодушие твоё и доверчивость
Рассыпаются в мелкий песок.
Брось ты камни очеловечивать,
От холодных, какой тебе прок.

Ты не скульптор, тебе не вырезать
Добрых рук, дружелюбных глаз.
И себя не пытайся выразить,
Не поймут и на этот раз.

Позови птиц, но серых воронов
Не пускай в соловьиный сад,
Пусть летят они с криком в сторону,
Пусть забудут дорогу назад.

Простодушие своё и доверчивость
По крупицам опять собери,
Осторожно раны залечивай,
И словами теперь не сори.

РОССИИ

Закрою глаза и киношные кадры:
Россия во мгле и беде,
В трактирах запой, в ресторациях карты,
И деньги – рекою везде.

Мешочники едут, сидят офицеры,
Бездомные ищут приют.
И сильные люди неведомой эры
В одеждах из кожи идут.

Открою глаза – снова те же картины:
Торговцы, усталый солдат.
И в кожаных куртках крутые мужчины
В своих иномарках рулят.

Уж сотни не деньги, в ходу миллионы,
Разрушен привычный уют.
И новые быстро стареют законы,
И люди на Запад бегут.

Там сытно, удобно и нет потрясений.
Везде чистота, благодать.
И можно прожить, не боясь притеснений,
И вновь революций не ждать.

О как Немезида жестока к России
Сейчас и во все времена.
Пытались её извести и осилить
То смута, то мор, то война.

И вновь испытанья. В лихую годину,
Ты выстой, будь предкам верна.
А я уж тебя ни за что не покину,
С суровой судьбою страна.

ТАК ЖИЛИ

Так жили – где дружиной, где общиной,
Врагов, не допуская на порог.
Народ, привыкший жить семьёй единой,
Сам о себе заботился как мог.
В равнинных реках солнышко искрилось,
Тянулись годы и столетья шли.
И вдруг внезапно всё переменялось,
Как злые духи вышли из земли,
И люди всё забыли и пожгли.
О век минувший, жуткий и прекрасный,
Из Книги Судеб – яркая глава.
Опять на небе светит месяц ясно
И жизнь идёт, она всегда права.

Я в лесах пустошки знала,
Утром затемно вставала,
И по ягоды бежала,
От других не отставала.

О, земля моя родная,
Сколько тайн твоих я знаю
Вновь к тебе я припадаю,
Помоги мне, умоляю.

Чтоб ходить, расправив плечи,
Чтоб бежать, душой ликуя,
Чтобы ветер мне навстречу,
Тоже нёсся торжествуя.

Как Антей, земли коснувшись,
Мощь великую почуял,
Так припав к тебе, очнувшись,
Снова сильной стать хочу я.

ВОСПОМИНАНИЕ О ГРОЗЕ

I.

Давайте, давайте, давайте
Широкие лбы наклоняйте.
Сближайте, сдвигайте, смыкайте
Горбы из последних сил.
Пространство громами взорвите,
Рапирами молний пронзите,
О, тучи, себя разорите,
Чтоб дождь всю округу накрыл.

Берёза от зноя устала,
Поникли листья краснотала,
Трава, наклонившись, повяла,
Всё ждёт животворной воды.
О, взять бы высотные вилы,
Найти бы у туч этих жилы,
Проткнуть бы их сколько есть силы,
И пашни спасти от беды.

Качает на дереве ветки
Откуда-то взявшийся ветер.
И, словно широкою сетью,
Он тучи поймал, поволок.
Печально и даже угрюмо,
Очнувшись, бессильно, без шума,
Как тёмные, тяжкие думы,
Поплыли они на восток.

II. ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

Гроза, талантливо играя,
Вся гроыхай и светясь,
Пришла к нам на исходе мая,
Дождями щедро пролилась.

Была всего одно мгновенье,
Громокипящая гроза.
И, словно в первый день творенья,
Водой промыты небеса

Вернулась нежная прохлада,
И радостно сверкает высь.
И вся земля безмерно рада,
Что снова торжествует жизнь.

Холодный ветер прям и жгуч,
Туман и сырость.
И солнце выглянет из туч,
Как божья милость.

И подорожника листок
В воде стоячей
Не может сдвинуть на восток
Себя и плачет.

Ему хотелось вместе плыть
С листом осины.
Мгновенье рядышком побыть
Большим и сильным.

Но подорожника листы
В траве увязли .
Так неразлучны и чисты
С землёй их связи.

Не оторвёшься от корней,
Закон природы.
Их преданности нет верней,
Хоть нет свободы.

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

Из последних сил зеленеет
В середине июля трава.
И река постепенно мелеет,
И на тополе жухнет листва.

Сизый зной царит над землёю,
Кое-где уже пахнет золою
От сгоревших деревьев в лесу.
Тишина – даже замерли птицы,
И у них нет сил веселиться,
И держать себя на весу.

Всё, что было суетным, мелким,
Как разбившиеся тарелки
Потеряли свой прежний вид.
Ты один на один с жарою,
Рядом с птицей, жучком, травою,
И за них твоё сердце болит.

Всё мне кажется, птица стонет,
Одинокая верба скрипит.
И в глубоком речном затоне
Недовольная щука лежит.

ВРЕМЯ ТРАВСТОЯ

Когда одни останетесь в саду
И облака холодные нависли –
Не накликайте на себя беду,
Гоните прочь докучливые мысли.

Они спокойно отойдут назад
И станут бесполезны и покорны.
Послушайте, как листья шелестят,
Как лебеда в земле сплетает корни.

Нет ничего прекраснее добра.
Нет ничего привычнее покоя.
Как хороша июльская пора,
Пора дождей и время травостоя.

Вечереющая река,
Мглой подбитые облака,
На ветру уныло поник
Многолиственный тальник.

Суета и печали прочь,
Надвигается тихая ночь.
Посмотри, этой ночи верна,
Показалась на небе луна.

Всё спокойно, тень от куста.
И стоит одиноко звезда,
Освещая уснувший сад
И дорогу, как год назад.

ЗНОЙ

Короткое, звонкое имя,
Небесное имя твоё
Твердила я, тучей гонима,
Молила я, зноем палима,
Колола стопы о жнивье.

Ни звука в знакомом просторе,
Ни облака в синей дали.
Лишь стелются в поле, как в море,
Прибойной волной ковыли.

Томит незабвенная жажда,
Усталый, обманчивый свет.
Вот так понимаешь однажды:
В любви возвращения нет.

Степная, полынная доля.
Дорога моя широка.
Здесь всё – и приволье, и воля,
И милого сына рука.

СЕНОКОС

Спеют копны у каждого колочка.
Надави – брызнет ягодный сок.
Сенокос хрустит хлебной корочкой,
Попивает холодный квасок.

По-хозяйски валок потрогаю,
Если высох – заворошу,
А потом постою немного я
И на солнышко погляжу.

Высоко оно? Высоко ещё!
Летний день не усадишь в год.
Я поставлю такой зародище,
Что руками всплеснёт народ!

Завершу его длинной вицею,
Чтобы ветер траву не раздул.
И под вечер усталой птицею,
Как в гнездо, на межу упаду.

Буду я родниковые росы
Из ромашковых блюдец пить.
И меня золотистые осы
Станут тёплым мёдом кормить.

Сядут волки у кромки отавы,
Спросят ласково: «Чем помочь?»
Разве могут звери и травы
Разлюбить пастухову дочь?

У КЛЁНА

У клёна, как будто на простынях,
Лежат на мешках опростанных
Две деревенские женщины,
Пристально смотрят окрест.
Брови платками увенчаны,
В сетках покупки уверчены.
Лица просты и доверчивы.
Вроде из нашенских мест.

Сумки тугие, добротные
Вместо подушек подложены,
Банки на солнышке нежатся,
Подогревая бока.
Всё у соседей расспрошено:
Много ли сена накошено,
Как там огурчики свежие,
Что – не поспели пока?

Медленно, тихо, уверенно
Люди в наш садик стекаются.
Медленен в каждом движении,
Крепкий, крестьянский народ.
Мало чему в шумном городе
Этот народ удивляется
И по привычке раймагами
Универмаги зовёт.

Я не живу по пословице
В людях и на особице.
Рядом сажусь с вопросами,
В тихий, родной кружок.

Жадно ответы слушаю
Тёти Наташи с Лушейю,
Гриб просолённый кушаю
С видом знающих толк.

Вот и подходит прощание,
Я говорю:

– До свидания

И выхожу из садика
В мир кирпича и стекла.
Только уже не раствором –
Руки мои пахнут бором,
Словно я в шумный город
Только что с поля пришла.

В МАГАЗИНЕ

Вхожу перед закатом в магазин.
Пол вымыт, словно заново поструган
Всё то же мыло, тот же маргарин
И только продавцом моя подруга.

Народ подходит, в очередь встаёт.
Кто просит спичек, кто вина с устатка
Доярке соль подруга подаёт,
Под огурцы давно готова кадка.

Она считает у сельчан рубли.
Спокойно пересчитывает сдачу.
Своя деревня, люди все свои
И всё-таки никак нельзя иначе.

Сельчане говорят между собой,
Гадают – будет лучше или хуже.
Хоть время изменилось, век другой,
Но магазин всегда в деревне нужен.

Здесь что-то купят и совет дадут,
Поспорят и все новости обсудят.
Здесь сельский сход и даже сельский клуб,
Которого давно лишились люди.

Проходит лето и зима пройдёт
В заботах сельских, повседневных, разных.
Вот потому сюда идёт народ,
Людей здесь много, и совсем не праздных.

Как быстро нынче лето пролетело,
А я его, признаться, проглядела,
Не замечала ни берёз, ни сосен.
И вот ко мне пожаловала осень.

Иду в леса, дышу туманным полем
И думаю, что нету лучшей доли,
Чем понимать траву и землю слушать
И радовать холодным ветром душу.

Деревья голы, и пригорки лысы,
И на траве не встрепенутся листья,
И только придорожная осока
Грустит о том, что выросла высокой.

Какой покой и тишина какая,
Не потревожит небо птичья стая.
И кажется, опять всё в жизни просто,
Как этот лист или как та берёста.

И лишь печально зеленеет озимь.
И понимаешь, что уходит осень,
Прощается с землёй и человеком
В последний полдень перед первым снегом.

ЗИМА

Пришла долгожданная,
Поля заметелила.
В лесах вьюги-падеры
Завыли, заплакали.
Берёзы атласные
Сучками рогатятся,
Осины трескучие
Качают вершинками.
Завыла, завьюжила
Тропинки, дороженьки.
Филейкою выстлала
Покосы и выгоны.
Гудит лёд изрезанный
Коньками катучими.
Шуршит снег под полозом,
Кипит под копытами.
Ведро с водой девушка
Достанет из проруби,
Вода приподнимется
И долго колышется.
Мычит краснобокая,
Увидевши пойло.
Овечки проказницы
Листовничек хрумкают.
Крапива не жалиться,
Полынь не кудрявится.
Пришла долгожданная
Зима красавица.

В доме спят и только мне не спится.
Почему-то не могу уснуть.
Кажется, что выпали ресницы,
А без них мне веки не сомкнуть.

По тропинке, что луной облита
Ты сейчас уходишь от меня.
И шаги, как гулкие копыта
На морозном воздухе звенят.

Скрипнула калитка за спиною
Звук впитала чуткая стена.
Мать открыла дверь и за тобою
На засов замкнулась тишина.

Гаснет лампа, тухнет папироса,
Мать тихонько прибирает куть .
Ты уснул, свернувшись в знак вопроса:
Почему я не могу уснуть?

Мимо этого дома и мимо окна
Я спокойно пойду совершенно одна.
Постою у плетня, у ворот постою –
Только так незабытому дань отдают.

Где-то взвыла собака, боясь темноты,
И скулёж завела, будто бы из воды,
Из глубинной, стоячей воды ледяной
Она вышла и скачет по снегу домой.

Где-то звёзды живут высоко-высоко.
В темноте их следы отыскать нелегко,
Потому что туман над деревней повис,
Как на тополе в мае развившийся лист.

Вьюга тополь качает – не нужно качать,
Ещё долго ему и стоять, и молчать.
Тополь многое знает и может узнать.
Только я не хочу ни о чём вспоминать.

Постою и пойду совершенно одна
Мимо этого дома и мимо окна

Где-то звёзды живут высоко-высоко,
Улицы не жарко,
Плетья на плетнях
Привычно застывшая
Звезда одинокая

НАЧАЛО

Порядок работы несложен:
Больше бери, дальше кидай.
Больше бери, как можешь,
Пока летит – отдыхай.

Приветливо улыбнувшись,
Напарница так сказала.
Робость моя стала глуше,
К обеду совсем пропала.

Всё было интересно,
И необычно было.
Казалось вода слишком пресной,
Солнце ярче палило.

Машины различных марок.
Только под вечер
Сильнее, чем у товаров
У меня ныли руки и плечи.

Где-то звёзды живут высоко-высоко,
Улицы не жарко,
Плетья на плетнях
Привычно застывшая
Звезда одинокая

ОПЯТЬ

Если город свой любишь очень.
Если сердце покоя не хочет.
Жажда странствий бунтует в груди
Наяву снятся звонкие ветры,
Отлетающих в пыль километров,
Если так, к нам в бригаду иди.
Два десятка парней и девчонок
На жаре до костей прокопченных,
Высотой навсегда облучённых,
Познакомленных жизнью большой.
Два десятка парней и девчонок
Молодых, озорных, увлечённых
Тебя встретят с открытой душой.
Наши парни не терпят бравады,
Как девчата не любят лжи.
Они строят лесов баррикады,
Чтобы приступом брать этажи.
Этажи – это трудное слово.
Этажи – это слово полова,
Если в руки не брал кирпичика.
Для меня же у этого слова
Из гранитного камня основа,
Каждой буковкой горяча.
Если город свой любишь очень.
Если сердце покоя не хочет.
Жажда странствий бунтует в груди
Наяву снятся звонкие ветры,
Отлетающих в пыль километров,
Если так, к нам в бригаду иди.

Опять кирка, опять лопата
И тачка – верная сестра.
Сидят весёлые ребята
У догоревшего костра.

Под синим абажуром неба
Висит холодный свет луны.
Из нас никто на небе не был,
Мы больше
На земле нужны.

Бетонщики и мотористы –
Строители цехов и трасс.
К нам приезжают журналисты
И пишут очерки о нас.

В них всё диковинно и ярко,
И только жаль, что ветра нет.
И нам ни холодно, ни жарко,
Когда мы смотрим из газет.

Да, мы ни разу не летали
На межпланетном корабле.
Мы в это время стены клали,
Носили землю по земле.

ОПЕРАТОР

Ребята, вы помните Вовку,
Нашего оператора?
Он из вагона извёстку
Выгружал без респиратора.

Ходил в голубой спецовке,
С начальством любил браниться.
Через два года бы Вовке
Исполнилось только тридцать.

А как он умел смеяться,
А как он горел в работе.
Любая минута, братцы
Была у него на учёте.

Не знали, шли на работу,
Не верили, думали шутка.
Потом хоронили Володю,
Сказали: «Язва желудка».

Ребята, вы помните Вовку,
Нашего оператора?
Он из вагона извёстку
Выбрасывал без респиратора.

СНЕЖИНКИ

Снежинки, как кирпичики.
Из пены неба сделаны
Холодные, холодные,
Белые, белые.
Летят и рассыпаются
Ещё бы, с выси сброшены,
Как из стручка горошины,
Созревши, осыпаются.
Снежинки, как кирпичики.
В раствор ложатся весело.
Подруга их отвесила
Движениями ловкими.
Вы посмотрите только
На небе снегу сколько!
Белых снежинок,
Снежинок-кирпичинок.
Снежинок разной масти
Над нами небо застит.
Пусть падает их больше
Пушистых, белых, лёгких.
Мы подберём и в стены
Их закидаем ловко.
Чтоб здание стояло
Накрепко два века
И все века сияло
Белизною снега.

Я строила панельные дома,
Фасад с трёхместной люльки расшивала.
По городу метелила зима –
Такой зимы давненько не бывало.

И нашу люльку пятитонный кран,
Страхуя от беды, держал на стропях.
Со мною вместе строили Курган
Напарницы мои в монтажных робах.

И было страшно, что теперь скрывать,
Мне лазить по балконным ограждениям
И шов горизонтальный расшивать
Под любопытным взором населения.

О, школа терпеливого труда,
Когда среди житейских разговоров
Меня учили женщины тогда,
Как жизнь свою беречь
И строить город.

И пусть, что времена теперь не те,
Что выпала иная в жизни доля.
Мне с кельмой не стоять на высоте,
И всё ж я благодарна этой школе.

За молодость хорошую мою,
В которой мне не делали поблажек.
Ещё за то, что здесь, в моём краю,
Живут друзья с большим рабочим стажем.

ПИСЬМО ИЗ ЮНОСТИ

Гуляет ветер по навесам крыш,
Февральский ветер, пахнувший морозом.
Двенадцать ночи, ты, наверно, спишь,
И спят твои веселые берёзы.

Я получила от тебя письмо.
Ты пишешь: «Приезжай, мы будем рады».
Я обещаю, я сулюсь давно,
Прошли дожди, настали снегопады.

А дни летят, как искры из костра.
Жизнь поглощает месяцев поленья.
И всё же я всегда зову ветра,
Чтоб раздували угли до каленья.

«Я изменилась», – вот твои слова.
Железный город жадною рукою
Мне предъявил жестокие права,
Но всё-таки не стала я другою.

А те друзья, что были среди нас
Оказывались дрянью, да какою!
И только ты с меня не сводишь глаз,
Волнуешься, зовёшь меня с собою.

Я у тебя в безвыходном долгу.
В таком же, как перед родной деревней,
Но я опять приехать не могу.
И шлю тебе своё стихотворенье.

НА РОДИНЕ

Степь седая с перелесками,
Топа, мшистая земля.
Пепельными занавесками
Солончак прикрыл поля.

Здесь для туч – район миграций,
Для ветров – большой простор.
Те же заросли акаций
Разметались у озёр.

Деревенское, полынное,
Сплошь крестьянское житьё.
Меж озёр село старинное,
Ах, Заложное моё.

Что же ты со мной неласково,
И дома твои стары,
И разрушены, растасканы.
Все колхозные двory.

Крыша шифером покрытая,
И телега у ворот.
До сих пор не позабытое,
Где-то детство меня ждёт.

Ждут меня седые тополи,
Воробьи летят сюда,
Ветры к берегу притопали,
Взволновалася вода.

Озеро моё рыбацкое,
Камышовая курья,
Тополя ладошка братская –
Вот и снова с вами я.

Изменилась жизнь, не скрою.
И деревня уж не та.
Только всё мне здесь родное,
С детства милые места.

ХОЗЯЙКА

Я здесь в гостях, а как дома,
Я здесь больше года жила.
В квартире густеет дрёма
Протопленного жилья.

Хозяйка моя постарела,
Прибавилось седины.
Рассказывает, что болела
И нет поправки с весны.

Потом достаёт листочки
Зачитанного письма
Оно от уехавшей дочки.
Настала третья зима.

Как дочь уголком чемодана,
Её оттолкнув ушла.
Ушла, но в ушах неустанно.
Остались звучать слова.

Не заглушала работа,
Не заглушала ночь.
Ты – тётя, ты – только тётя
А я – не родная дочь.

А нынче из Барнаула
Пришло дорогое письмо.
Пишет, в начале июля
Жди меня, мама, домой...

ЗВЁЗДЫ

1.

Ты столько раз меня спасал
Своим присутствием незримым,
Когда житейский жар и пал
Меня окутывали дымом.

Я знала, ты всегда со мной.
И, хоть мне руку не протянешь,
Всё ж на пути у злобы встанешь,
И заслонишь меня стеной.

И я делилася с тобой
Всю жизнь и счастьем и бедой.
И, словно светлая звезда,
Ты освещал мой путь всегда.

Нельзя же призраки любить.
Их нет, они ушли далёко,
Их не догонишь взором ока.
Всё так. И нету сил забыть.

2.

У меня был в детстве дружок.
У него – отцова гармошка.
Он её ото всех берёг,
Только мне давал на немножко.

Он меня доводил до слёз,
Но и первым ходил мириться.
Нёс любимый свой паровоз
И в кармане конфет на гостинцы.

Годы, годы, как с гуся вода,
И несёт на удар, на удачу.
Я сейчас мирюсь не всегда,
Я сейчас очень редко плачу.

Но, когда не верю словам,
И сомнений становится лишка,
Я тогда ухожу к друзьям,
Вот таким, как этот мальчишка.

3.

Мне не верится, нет, не верится,
Что тебя с нами вместе нет.
Лишь закрою глаза и щерится
Рот в улыбке – смеёшься в ответ.

Тебя нет – о чём разговаривать:
Не затронешь гармошки лады,
Не пойдёшь плясовую наяривать,
Растеряв прибауток следы.

Ты убит. Эта новость молотом
Оглушила меня сплеча.
Горло спазмой рыданий сколото –
Плакать хочется и кричать:

«Друг, очнись, сбрось сонливость проклятую,
Путь открыт, слышишь зов гудка?»
Поезд тронулся, но разжатая
С полки свесилась чья-то рука.

4.

За любовью страх идёт.
Никого я не пугаю.
Только всё же полагаю,
Кара некоторых ждёт.

Мальчик мой и мой жених,
Мы росли с тобою рядом,
Ветром, градом, снегопадом
Мы делились на двоих.

У меня игрушек нет.
У тебя игрушек много.
К нам протоптана дорога,
У твоих ворот мой след.

Ты мне первым изменил.
В школу мы пошли учиться,
Испугался, что дразниться
Станут дети, гордым был.

А потом наши дома
Как Монтекки с Капулетти.
Ненависть вражду приметит,
Всех родных сведёт с ума.

Проходил за годом год,
Накалялись в семьях страсти.
Мы учились в одном классе
И не знали, что нас ждёт.

Нас никто не поборол.
Так должно было случиться.
Я уехала учиться,
А ты в армию ушёл.

Не растёт зимою гриб,
Не цветут в сугробах маки.
В армии, в солдатской драке
Друга спас, а сам погиб.

Не пройти нам по тропе,
Памятной, первоначальной.
Друг любимый, идеальный
Вновь горюю о тебе.

5.

Вечер, сумрачно в палате,
А на воле снег кружится.
Мы положены в кровати,
Мы больные, мы в больнице.

И противной марганцовкой
Полоскать нам нужно горло,
Ты проделал это ловко,
У меня дыханье спёрло.

Холод, ветер, снег кружится.
Скарлатина в первом классе.
Дезинфекция в больнице,
Стены, окна в белой краске.

Ночью говорят о смерти
И пугают, умер кто-то.
Страшновато – мы же дети,
Помирать нам неохота.

Послезавтра, утром ранним,
Ветром северным гонимый,
За окошком дед твой встанет,
Скажет: «Батюшка родимый».

Мать моя придёт позднее,
Пять километров прохлещет.
Как увижуся я с нею,
Радость в сердце затрепещет.

К нам в палату не пускают,
И пришедшие родные
На стекле кружок протают,
Молча смотрят, как немые.

Целый месяц мы в больнице.
Дома будем в карантине.
Всё пройдёт, угмонится,
Только помнится поныне.

6.

Ах, какие конёчки были!
Это брат мой тебе подарил.
У тебя, словно выросли крылья,
Ты по льду не скользил, а парил.

Брат на просьбы твои откликался,
И во всём он тебе потакал.
Я смотрела, а ты катался,
Я стояла, а ты летал.

Брат мой был мне и братом и нянькой,
Заменяя мне в детстве отца.
Как он пел и шутил на гулянках,
И глаза у него в пол-лица.

Эти синим, пронзительно властным
Не солгать, не схитрить мне нельзя.
О, как были, наверно, опасны
Для девчат наших брата глаза.

Это он приказал мне учиться.
Строгим был, дневники проверял.
Брат подростком в войну трудился,
Да и после покоя не знал.

И приметив любящим сердцем,
Нашу тягу всегда быть вдвоём.
Стал весёлым единоверцем,
Помогал нашей дружбе во всём.

Вы ушли далеко-далёко.
Первым землю покинул брат.
Ваши звёзды высоко-высоко
Посреди мироздания стоят.

Только я не могу смириться
И смотрю на озёрную даль,
Где летает прекрасная птица,
Застилая крылами печаль.

7.

Там, у озера, на берегу,
Два могучих высоких тополя.
Они детство моё берегут,
Охраняя в надёжном акрополе.

Там на Пасху всегда молодёжь
Из верёвок качели ладила.
Меж ветвей приходила в дрожь
От парней-удальцов перекладина.

Все, кто был и силен и смел,
На качелях качались, зыбались.
От мужских накалившихся тел,
Мне казалось, искры сыпались.

Брат с собой на качели нас брал.
Мы садились на доску уверенно.
Вместе с другом он так нас качал,
Что в глазах от воды было зелено.

Мы снижались и снова вверх,
Словно маятник мчались к солнышку.
Это был настоящий успех
У мальчишек, севших на брёвнышко.

Осторожно нас брат снимал,
Чтоб на землю мы не упали.
Кто-то снова на доску вставал
И качели других качали.

8.

Свою единственную жизнь
Почти не помню и не знаю.
И даль её и даже близь
С трудом, неясно различаю.

То выплывет какой-то день
Из памяти, как из тумана,
То вспомнится в саду сирень,
То луг привидится духмяный.

Зачем же выборочно так
Являются из дальней дали
Какой-то глупенький пустяк
Или прошедшие печали?

Не лучше ль было бы листать
Мне день за днём всю жизнь как книгу,
Пусть невозможно юной стать,
Но мне б хватило даже мига.

Чтобы увидеть братьев, мать,
Тебя, приблизиться, обнять
И радостно всем улыбнуться.
На миг вернуть бы время вспять.

И я согласна бы опять
Сюда такой, как есть вернуться.

9.

А если бы мимо промчалась беда.
Не знаю бы как, но ты выжил тогда.
Возможно, не встретились мы бы с тобой
И ты, вдалеке бы, увлёкся другой.

Ведь в юности можно красиво любить
Потом, повзрослев изменить и забыть.
Мне мысль эта как-то нежданно пришла.
Подумалось: «Как бы я дальше жила?»

Жила бы я так же, как нынче живу.
По морю житейскому тихо плыву.
Упорно борюсь с набежавшей волной,
Большие суда обхожу стороной.

Нет, я океанских судов не боюсь,
А всё ж опасаясь, а всё ж сторонюсь.
Меж нами холодная плещет вода.
И рядом мне с ними не плыть никогда.

Свой мир я с таким создавала трудом,
И вот он из воли и света мой дом.
И вместе со мною родной человек
Подаренный мне не на день, а на век.

Мне в юности было наказано: жить,
И жизнью своей и чужой дорожить.
Наказ выполняю и знает душа
О том, как немислимо жизнь хороша.

10.

Когда перестоит трава,
Её косить трудней.
А как не скажутся слова
Их выразить сложней.

А может просто я такой
На свете родилась,
Что люди делают легко,
Мне тяжело подчас.

Я не могу быть побойчей
Даже среди подруг.
Я не могу быть позвончей,
Когда мой голос глух.

Мне не заплакать, боль тая,
Когда обида жжёт.
Вот потому, таких, как я,
Никто не бережёт.

Ромашка в поле отцвела.
Что душу бередить.
Какой уж я на свет пришла,
Такой и буду жить.

11.

Возле яркой луны
Ночью звёзды бледней.
Светят, как и должны
Они преданно ей.

Звёзды знают: луна
Станет в тучах ходить,
Отблеск солнца она,
Ей сиять и светить

На уставшую землю,
Где соловушки спят,
Где осинники дремлют
И дожди моросят.

Всем светилам небесное
Во вселенной житьё.
Никому там не тесно,
Знают место своё.

Утро. Сизая роздынь.
Солнца лучик в избе.
Мы с тобой тоже звёзды,
Каждый сам по себе.

УЕДИНЕНИЕ

Я столько лет ждала уединения.
Я так ждала,
Как ждут огня сосновые поленья,
Чтоб капала смола.

Я так желала тишины от мира,
Что б только я и тишь,
Но пела коммунальная квартира
Мне что-то про камыш.

Я убегала, дом возненавидя,
А сзади нёсся смех.
Так убегал, наверное, Овидий
От споров и утех.

И вот оно, моё уединение,
Да, вот оно.
Смотрю на мир светло и вдохновенно
В своё окно.

А за окном знакомая картина:
Автобусы спуют,
Внизу шумит весёлая квартира,
Соседи водку пьют.

А вот и песня пьяного соседа
И крик жены слышать.
Куда уйду я и куда уеду,
И стоит ли бежать?

О ЮНОСТИ

Золотая пора обещаний,
Когда вся ещё жизнь впереди,
Лёгких встреч и весёлых прощаний –
Скорый поезд в начале пути.

Как мы ехали в этом составе,
Уж теперь не припомнит никто.
Так стремились к изменчивой славе,
Так бежали, как в цирк шапито.

Все дороги вели в славный город,
В многословный приветливый дом.
Он по-прежнему мил мне и дорог,
Сколько было хорошего в нём.

Помолчу и заветного слова
Я о юности нет, не скажу,
И не стану тревожить былого,
На знакомой скамье посижу.

Нужно жить было как-то иначе.
Только кто это нынче поймёт,
Никакая уже передача
Мне знакомых моих не найдёт.

Разошлись и не встретились снова:
Кто живой, а кого уже нет...
Пусть луны золотая подкова
Мне, как прежде, сияет вослед.

НЕ ЗАБЫЛА

I.

Ничего уже не будет,
Ни палатки, ни свечи.
Мы с тобой чужие люди,
Хлопчи не хлопчи.

А тогда уж как нам пелось,
Говорилось по ночам,
Жить по-новому хотелось,
Утро радостью встречать.

Только мне степной, равнинной,
Непривычной к высоте,
А приученной к низинам.
Тяжелы маршруты те,

Что в горах крутых петляют
Вдоль деревьев, между скал.
Мне пришлось пройти по краю,
Мне никто не помогал.

Были трудными подъёмы,
Спуски тоже не легки...
Даже в снах, что невесомы,
Ты не подал мне руки.

Ничего я не забыла
Ни палатку, ни свечу.
Всё прошло, а то, что было,
Равно солнышка лучу.

II.

Идёт весна, и солнце ярче греет,
Берёза, что стоит невдалеке,
В апреле по-особому белеет,
Она ещё без листьев, налегке.

Я чувствую какое-то волнение,
Когда смотрю на лужи и вокруг,
Мне кажется ещё одно мгновенье
И ты опять появишься, мой друг.

Распахнутый, смешной, зеленоглазый,
Как день весенний, ясный и простой.
И мы опять поймём друг друга сразу,
Что я – твоя, а ты, конечно, мой.

Нам не отбиться от весёлых песен.
От слов, летящих на весенний пир.
Зачем нам знать, что этот мир так тесен,
И обособлен, как уют квартир.

Зачем мне думать о плохих приметах,
От радости кружится голова.
Весною много солнечного света
И счастье не вмещается в слова.

И РАДОСТЬ ЗАБЬЁТСЯ В ГРУДИ

Сыну

Мой сын будет лучше меня.
Я это доподлинно знаю.
Я всякой и разной бываю,
Как утро осеннего дня.

Протяжные песни пою,
Печалью себя наполняю,
Тяжёлое всё забываю,
Так, словно у речки стою.

И радость забьётся в груди,
Как тёплая малая птаха.
И вновь ощущение страха,
А что там ещё впереди?

Утрата привычных желаний,
Потеря упавших оков,
А может быть, смена веков
- Другие несёт испытанья?

Но жизнь, то дразня, то маня,
То солнышком ярким сверкая,
Моими годами играя,
По-прежнему любит меня.

ВЕЛОСИПЕД

Сыну

Ах, чудачка я, рыбачка!
У меня велосипед.
На руле его ведёрко
С карасями на обед.
Караси крупны, красивы,
Желтоватые бока.
И во всей моей деревне
Нет такого рыбака.
И довольна всем на свете
От улова своего,
Еду на велосипеде -
Мне двенадцать лет всего.
В магазине есть игрушки,
Всё - от ситца до конфет,
И купил мне брат послушный
Голубой велосипед.
Ах, чудесная машина -
Голубой велосипед!
И не надобно бензина:
Руки едут, ноги нет.
А сегодня перестройка:
В магазинах - ни черта.
Третий год торгует бойко
Перекупщик у куста.
Продаёт он апельсины,
Всё - от майки до кассет.
Только где найти мне сыну
Голубой велосипед?
Скажут: экая проблема,
Очень уж банальна тема.
Я отвечу: может да.
Только каждому известно,
Что проходит быстро детство.
Безвозвратно, навсегда.

ДАВНЕЕ

1.

Деревенский дощатый стол
С мылом мыли, ножом скоблили,
Пах он, точно смолистый ствол,
Той сосны, что вчера срубили.

А бывало печины набьёшь,
То есть красной кирпичной глины.
Дожелта половицы натрёшь
Да отмоешь от этой печины.

Да нарвёшь полевых цветов
И поставишь на стол к простенку.
Вот и отдых тебе готов,
И снимай с дров берёзовых пенку.

Гармонисты по улице шли
Вечерами, ног не жалели
И девчат озорных вели,
И частушки весёлые пели.

Я не помню половиков,
Скатертей в домах, занавесок,
Сельский мир тогда был таков:
Прост, открыт и на слово резок.

Через годы после войны
Станем ситцу и штапелю рады.
И чего пригорюнились мы,
И когда мы жили богато?

Обо всех судить не берусь,
Много мнений, легенд, мистерий.
В то, что сдюжит Россия – Русь
И теперь без сомненья верю

2.

Вспоминается давнее в дальнем краю:
Как хотелось мне в детстве летать.
Я на небо смотрю, у окошка стою
Мне мечтается облаком стать.

Как в заманчивой сказке на зимний простор
И на землю смотреть с высоты.
И лететь выше леса и наших озёр
До сияющей ближней звезды.

Дальше грёзы мои и желаний охват
Истощаются в сонной тиши.
А над озером гаснущий красный закат
В заколдованной сельской глуши.

Мне четыре всего, я одна, взаперти,
Мне заслонку нельзя открывать.
В печке пламя гудит, на полу кот сидит.
Скоро с фермы воротится мать.

Давний мир, старый дом далеко позади.
Быстро годы промчались и скрылись в пути.
В жизни всё быстротечно, но вечны: мечта,
Конь крылатый Пегас и на небе звезда.

РАЗДУМЬЯ

1.

Хочу надышаться прохладой
Ко сну отходящих степей.
Иду по траве непримятой,
Встречаю осот и репей.

Дневные рассыпались птицы,
Кузнечики бьют невпопад.
Взлетевшие где-то зарницы
По-летнему ярко горят.

Пока лишь резвятся зарницы,
Да звёздный трепещет родник.
А скоро над спелой пшеницей
Другие зажгутся огни.

2.

Словно призрак среди белого дня
Следом ходит за мной «Почему».
Где двойник у него «Потому»,
Что безжалостно мучит меня?

Без дороги бреду я к нему,
Это слово – колодец в степи.
Сникли травы, им хочется пить.
Где же ты, скоро ль ты «Потому»?

Солнце знойное бьёт мне в глаза –
Кочегар всенебесных котлов.
Сколько он потеряет потов
Пока будет огонь подрезать.

Ещё шаг до середины бугра.
Я валюсь на осиновый сруб.
О вода! Как ты близко у губ,
Но тебя не достать без ведра.

3. ВЕЩЬ

Небо прозрачно от холода.
Правит веслом тишина.
Что ожидает от города
Девушка у окна?

Плечи из бронзы выточил
Месяц ей тонким лучом
Взял на ладошку и выронил –
Видимо жгут горячо.

Ветер-бродяга не каждому
Станет подарки дарить.
Ей же на губы отважные
Он подарил цвет зари.

В комнате четверо сонненьких.
Всё общежитие спит.
Что же на подоконнике
Девушка эта сидит?

РЕКА ПОЭЗИИ

Нет, мне не причинят вреда
Лихих поэтов заморочки.
Немного надобно труда
Чтоб матом подсиропить строчки.
Я из народа, а народ,
Порою крепко матюгнётся.
А мат, что в книжках издаётся,
Его скабрёзный перевод.
Бурлит и пенится поток
Идёт глубинное движенье,
Простор прижмёт его теченье
И успокоит, выйдет срок.
И пена шумная сойдёт
В других потоках растворится.
Река поэзии струится
И в море классики течёт.

ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ

Мы жили все под крышею одной,
Ходили по известным коридорам.
Нам жизнь казалась доброй, озорной,
Наполненной серьезным разговором.

Теперь их нет. С небесной высоты
Они глядят спокойно и печально.
Им видно, у какой стоим черты,
Что ждёт нас, они знают изначально.

Уходят годы, как в песок вода,
То жизни зов и времени веленье.
Поэзии наполнив невода,
Уже пришли иные поколенья.

А мы идём, свой продолжая путь,
На перепутье, потерявши старших.
И нам с него уже нельзя свернуть,
Прерваться, перестроившись на марше.

КЛАД

I.

Степь была горячая, сухая,
Трескалась от духоты земля.
Человек шагал, изнемогая,
По дороге, пятками пыли.

Вдруг увидел, словно на вулкане,
Вдоль дороги снят с земли покров.
И таится там, в сквозном тумане,
Клад нетленный вымерших веков.

Сколько в нём духовного запаса,
Драгоценный, неизбывный клад!
Почему в степи он оказался
Затворённым, как и Китеж-град?

Клад не дастся грубым и ленивым,
Жадным и не помнящим родства.
Прежде надо стать душой красивым.
С детства помнил эти он слова.

Солнце жгло, он вяло шёл и думал.
И пролился ливень, сгинул зной.
И под звуки грома, ветра, шума
Он уже не стал самим собой.

По-другому говорит и смотрит,
Верит он в добро и благодать,
А во сне всё видит степь, как море,
И в ней клад, который не достать.

II.

Что вам Марс, когда в Антарктиде
Всевозможных ресурсов тьма.
Там хранятся они в лучшем виде.
Бережёт их хозяйка-зима.

Там, как в сказке, такие чертоги,
И пещеры в глубинах земли.
Древних гор ущелья, отроги
Тайны спрятали в дальней дали.

И учёным эти запасы
Изучать не один ещё век.
И не нужно за космос драться
Ты хоть Землю познай, человек.

Не губи её воздух и воду,
Сбереги от пожаров леса.
Я боюсь, что испортив природу,
Ты разрушишь свои небеса.

Ты построил плавильные печи,
Создал станции, реки губя.
Ах ты, милый мой человек,
Пожалей самого себя.

На Земле всё в связи, всё едино,
И нельзя распалать: кто – кого.
Тебе дадена роль господина.
Только роль и не больше того.

СОСЕДКИ

Соседка старушка следит за другой
Соседкой старушкой.
Одна у другой всегда под рукой,
Как врач и подружка.
Когда-то давно в этот самый подъезд
Вселили их рядом.
С тех пор их знакомых приход и приезд
Под пристальным взглядом.
И многие годы уж так протекли,
И выросли дети.
И дети уж семьи свои завели –
Так нужно на свете.
И жизнь изменилась, пора на покой,
Друзей нет в помине...
Но также соседки, одна за другой,
Следят и поныне.

НА ВОКЗАЛЕ

Рюкзаки и коробки
Легли на паркет,
Сумки дают
Диванам плечи.
В ожидании посадки
Соседу сосед
Разговорами
Душу лечит.
Здесь расскажам
И встречаем
Не будет границ,
Всюду люди,
Куда не пойдёте.
В их глазах выражение
Тоскующих птиц
На кормёжке,
При скором отлёте.

БЕРЕГА

Берега обхватила река
И смирила в объятьях.
Крепко держит их за бока,
Как любимых братьев.

Гонит воду то к одному,
То волною к другому мчится.
Не желая из них никому
И во сне подчиниться.

Берега одиноко стоят
Своевольной хозяйке в угоду.
И, как витязи, верно молчат,
Стерегут её чистую воду.

Они знают, что там, вдалеке
На огромном просторе
Предстоит их беспечной реке
Власть в студёное море.

И стоят, и молчат берега,
Пропуская послушные воды.
И, петляя, уходит река
Под небесные своды.

СОБАКИ

Две собаки, два чёрных больших спаниеля,
От азарта и тёплого ветра шалея,
По участкам неслись, обгоняя друг друга,
Словно тёмная буря и белая вьюга.

Очевидно, собаки давно одичали.
То гонялись за кошкой, то норы копали,
Никого не боялись, пьянея от воли
И уже не искали другой себе доли.

На заброшенных дачах они спали, ели.
Там приюты нашли не одни спаниели.
Там, скитаясь, дворняжки, овчарки бродили,
По ночам то брехали, то отчаянно выли.

Кто у них, бессловесных и гибельных спросит:
«Почему они здесь, кто их предал и бросил,
Что их ждёт – тёмный лес, волчий запах спросонку,
А не то бессердечная пуля вдогонку?»

А пока две собаки, не зная испуга,
Торопились на речку, побуждая друг друга.
Пробежав огород, они скрылись в посадках,
Отпечатав следы на посеянных грядках.

Город, город, а собак-то сколько –
В каждом доме да не по одной.
Одиноко, ветрено и скользко,
Тускло светит месяц надо мной.

Я люблю по улицам старинным
Проходить вот так, не торопясь.
Впереди свободно и пустынно,
Под ногами палый лист и грязь.

Морозь, зябкость, тишина без края,
Но тепло и радостно в душе.
Ничего я о тебе не знаю,
Не жалею и не жду уже.

ОХРАННИК

Как у этого моста,
У охранного поста,
Неуступчивый охранник
Появился неспроста.

Хочешь верь или не верь,
Настоящий лютый зверь.
Чёрный глаз и чёрный нос
И колечком чёрный хвост.

На цепи сидит и ходит,
Глаз своих с моста не сводит,
Звонко голос подаёт,
Если кто-нибудь идёт.

Людам в форме с ним спокойно.
Охраняет он достойно
Этот мост и этот пост.
Неподкупный без обмана,
Справедливый без изъяна,
Очень честный, чёрный пёс.

ВРЕМЕНА ПОМЕНЯЛИСЬ МЕСТАМИ

Говорят – это редко бывает,
Чтобы так задержалась зима.
Даль темнеет, день убывает,
Солнце грустно скользит за дома.
Обманула погода осень,
А быть может, наоборот.
Уж пора, а всё не морозит,
С перерывами дождь идёт.
Осень – это пора увяданья.
Почему-то все говорят
О старении, о страдании,
Невозможности хода назад.
Всё обычно и всё не ново, –
Только нынче совсем не так.
Есть отличие от былого –
Непонятный, загадочный знак.
Расцвели в квартире герани,
На газонах трава зелена.
Пусть хоть раз меня осень обманет,
Скажет – это вернулась весна.
Времена поменялись местами,
В новом веке сплошь чудеса.
Подшутил високосный над нами,
Промывает дождём небеса.

АРЕНДАТОРЫ

Наши прадеды и деды
Свою землю берегли,
Сохраняли, как могли,
Защищали до победы.
И отцы за землю бились,
Победили, возвратились,
Снова пахарями стали,
Сыновей к ней приучали.
В деревнях всегда трудились,
А теперь иной порядок:
Арендаторы явились.
А зачем? Им землю надо!
Спелый лес под корень пилят,
Вывезли, и нет лесочка.
Их крестьянин не осилит,
Дров ему не будет – точно.
Ради пользы и забавы
С малолетства в лес ходили.
Ягоды, грибы и травы
Всех лечили и кормили.
Время ходит по спирали,
По виткам идёт всё выше.
Старикам пожить бы дали
И с лесочком, и под крышей.

Какое солнце разноцветное!
А небо, небо-то какое!
Необозримое, приветное
И голубое, голубое.

За огородами поскотина.
Пасутся кони и телята.
О, моя маленькая родина,
Моя пахучая, как мята.

Ты ни о чём меня не спрашивай,
Как я живу, о чём тужу.
Ты знай себе коси-покашивай,
А я немножко посижу.

Мне хорошо, что степь колышется,
С литовки сыплется трава.
И где-то рядом песня слышится,
Да неразборчивы слова.

ИРГА

Вышла радуга-дуга,
Над землёю встала.
Потянулась к ней ирга.
Только не достала.

Слышен веток лёгкий хруст,
Ввысь подняться рады бы.
Тяжелят огромный куст
Наливные ягоды.

У плодов земной ирги
Краски радуги-дуги

ОГОРОД

Пока
Хорошая погода
В разгаре
Праздник огорода.
О, пой
И радуйся душа.
Картошка
Всё же хороша!
Пришла
Прекрасная пора:
С утра
До месячного света
Стучат, стучат
О дно ведра
Подарки
Нынешнего лета.

НОЧЬЮ

Небо, в задумчивых звёздах небо.
Приближаясь к земле, плывёт под тобой тишина.
Пахнет сеном и духом созревшего хлеба,
Шелестит по песку мокрой галькой тугая волна.

Прогорланила выпь, разногласное эхо,
Подхватив на лету, растрясло по окрестности крик.
Мудрый филин ответил простуженным смехом
И, умолкнув, прилёг на ветвистый потник.

Пробежал ветерок, зароптали деревья,
К тонкой ветке листок прицепился, боится упасть.
Гасят окна огни, засыпает деревня,
Ночь, прокравшись, воюет с рассветом за власть.

СНЕГ

I.

Какой это снег, какой –
Четвёртый или же пятый –
Летит над моей головой
Счастливой и виноватой?
Прости ты меня, прости,
Что я не смогла, не сумела
Снег удержать в горсти,
Растаял – такое дело.

II.

На ладошку снег возьми,
Подержи его немного.
Будем добрыми людьми
Даже к снегу на дороге.
Всё пройдёт. И этот снег
В талых водах растворится
Так же, как любовь навек
С нами, гордыми, простится.
Только ты не вспоминай,
Вспоминать пока не надо
Этот глупый звонкий лай
У некрашеной ограды.

III.

Неожиданно, ярко и молодо
Белый снег шёл по спящему городу.
В тихих парках на скамьи садился,
Отдыхал и опять торопился.
Повстречались мы с ним на рассвете.
Первый снег – он был ярок и светел.
Как хотелось ему в этот холод
Удивить и обрадовать город.
И одеть в каждом сквере деревья
В свой наряд самый чистый и древний,
Чтобы дети счастливыми были,
Когда снежную бабу лепили.

IV.

Сколько света от белого снега,
Сколько радости – не сдержу!
Посмотри, я сейчас с разбега
Тополь с хохотом закружу.
Обожди, дорогой, не хмурься,
Не прищуривай синий глаз,
Выше голову, не сутулься,
Ты взгляни, посмотри на нас.
Как мы с тополем снова молоды,
От макушек до пят прямы.
Не боимся русского холода
И его подруги зимы.

V.

Мороз не так морозит
И смягчил ночь февраль,
И с улиц снег вывозят,
Которого не жаль.
Весна идёт, играет
На солнышке капель.
И снега оседает
Холодная постель.

VI.

За окном спустился синий морок.
Небо навалилось на дома.
Я стою у запотевших створок
И смотрю, что делает зима.

Там метель, как ласковая кошка
О фундамент трётся головой
И своим хвостом метёт дорожку
Возле дома лучше, чем метлой.

ТОПЯТ ПЕЧИ

1.

Из Шевелёвки тянет дымом.
Уже забытым и родимым.
То поселковые под вечер
В своих строеньях топят печи.
Я представляю, как теплеет
Холодный воздух в старом доме.
Дрова сухие пламенеют
И сокрушаются в истоме
Стоят в кути: ухват, лопата,
И кочерга – слова какие!
И обязательно щербатый
Есть стол и лавки боковые.
И половицы тихим пеньем
Сопровождают вас по дому,
И прошлое здесь ходит тенью
Хоть перешло оно к другому.
А в подполе сухом, глубоко
Все овощи всегда под боком.
Там и соленья и варенья
Запасов на три поколенья.
Пусть это только слабый снимок
Родного, сельского уклада,
Нет с молоком на лавке кринок,
Как не было в посёлке стада.
А может быть, и лавок нету,
И стол такой, как в магазине.
И печь там вовсе без загнетки,
Ухвата тоже нет в помине.
Уютно в доме, тихо очень,
Но понимаешь, что не прочен
Патриархальный быт и скоро
Его разрушит гордый город.
Как человек вполне поживший,
Так этот дом к всему привыкший
Он всё спокойно принимает,
Стоит и дым из труб пускает.

2.

Здесь нравы те, что раньше были,
Резные ставни, добрый лад,
Соседи, что траву скосили,
Как встарь, на лавочке сидят.
Сидят и курят папиросы,
Так было раньше и сейчас.
Их мало трогают вопросы,
Которые волнуют нас.
Здесь частный сектор. Или счастье,
Или судьба людей свела.
В дворах собаки разной масти
И разной свежести зола,
Посыпанная на дорожки.
Провинциальная тоска –
Твердишь, ограда высока.
Я только тихо улыбнусь
И людям этим поклонюсь.

ДЕРЕВЬЯ

I.

Деревья ходят ночью,
Как улицы уснут,
Они поодиночке
По городу идут.

Им лица обдувает
Крутой свежак,
На шубах выступает
Густой куржак.

Когда же рассыпается
Первая звезда,
Деревья возвращаются
На свои места.

II.

В старом парке наводят порядок:
Обрезают деревья, метут,
Дым скользящий и горек, и сладок –
Это мусор скопившийся жгут.

Тополь спиленный вовсе не старый.
Он бы мог ещё жить, зеленеть.
К нему парни ходили с гитарой,
На скамейке любили сидеть.

В его кроне любили гнездиться
Удивительно шумные птицы,
А когда прилетали с юга,
Находили верного друга.

В старом парке наводят порядок,
Вычищают траву из посадок –
Этим самым лишая растения
Очень ценного удобрения.

Деревья говорить не умеют,
Постепенно тихо слабеют.
Сердцевины у них чернеют,
Без подкормки хиреют, стареют.

Я не знаю, как быть, но только
Убирать бы листву не надо.
Пусть питаются клён и тополь
Перегноем старого сада.

III.

Срубили дерево, оно
Ещё вчера на нас глядело.
О, как оно весной шумело,
Тянуло ветви мне в окно.

Зимой слетались снегири
Чего-то вкусного отведают,
А может, нас с ним попроведают
И в холод радость подарить.

Его морозы берегли,
В жару дожди его спасали,
В ненастье ветры налетали,
Его и гнули, и качали,
И затихали у земли.

Мы с ним дружили, невдомёк
Всем было, что мы с ним дружили.
И вот стоит один пенёк,
Нет дерева – его срубили.

Желтеет пенёк, щепка свежа.
Ещё, ещё одна утрата.
И вновь болит моя душа,
Как будто потеряла брата.

СОСНА

На старой вырубке лесной
Стоит высокая сосна.
Как далеко она видна
На фоне поросли густой.
Её шершавая кора
Потрескалась от зимних выюг.
И крона, как навес шатра,
И шишки спелые вокруг.
А поросль весело шумит,
Не страшен ей ни дождь, ни жар.
Сосна в ненастье защитит
И примет молнии удар.
Закат последние лучи
В свою горячую ладонь
Вбирает, как зола огонь
В непротопившейся печи.
На старой вырубке лесной
Стоит высокая сосна.
Подует ветер и она
Тугой басовую струной
Звучит в безмолвии ночи
Среди окаменевших пней.
О, как наверно, трудно ей
Одной, когда земля молчит.

РОВЕСНИЦА ВЕКА

Она была ровесницею века.
Всего лишь десять лет не дожила
До той поры, как выполнив дела
Он навсегда ушёл от человека.

Я говорю о матери моей.
Как не хватает мне её сегодня.
Я так привыкла в вечер новогодний
И вспоминать, и всем делиться с ней.

Обычно, мамин синеокий взор
Всегда был полон и добра и ласки.
И я ей говорила без опаски
Всё то, о чём молчала до сих пор.

Она любила нас, своих детей,
О каждом перед Господом молилась,
И всё ж троих из нас она лишилась.
В младенчестве Бог разлучил их с ней.

Но четверых детей взрастила мать.
Жила со мной. И вот пора настала,
Под старость всё, что помнила и знала
Для внуков она стала вспоминать.

Тошнёхонько мне нынче, что тогда
Её рассказов я не записала.
Как будто бы, беспечная, не знала,
Что потеряю маму навсегда.

ПАМЯТЬ

Матери, Марине Игнатьевне

1.

Грохотала война где-то там в Белоруссии.
У разбитых машин, на лесных большаках,
В гимнастёрках простреленных парни безусые
Закрывали глаза у сестриц на руках.

А у нас в Зауралье было грибно и ягодно,
В огородах спокойно картошка цвела.
Но война из района нежданно-негаданно
К нам в деревню вперёд почтальюна вошла.

Эту жуткую ночь ни старухи, ни женщины
До сих про не могли и не могут забыть.
Они шили кисеты, а на сердце трещины –
Разве можно какой-нибудь ниткой зашить!

А мужчины курили и хмурили брови,
Горевали, что сено не успели сметать.
Поутру избы крыши повязали по-вдовьи
И одна из них стала похожа на мать.

2.

Помню женщин тревожное пенье
И как с талицы до зимы
За околицей нашей деревни
Днем и ночью горели назьмы.
Их сейчас бы давно не стало,
Их сейчас бы на поле под плуг,
А тогда у нас не хватало
Лошадей и рабочих рук.
Неохотно дымок курился,
Тлел и грелся в кучах навоз.
И вопрос о спичках решился –
Самый главный в войну вопрос.
Хворостинку, дощечку ловко
Поджигали, несли домой.
А на пашню крестьяне верёвку,
Подпалив, увозили с собой.
Ну а там немного сноровки –
И огонь добыт от верёвки,
Чтобы варево было в срок.
Люди верили, сильными были
И в несчастьях детей растили
И придумывали, кто что мог.
Чтоб бесследно совсем не сгинуть,
Превозмочь лихую годину
И страну свою сохранить,
Чтобы помнили мы и потомки,
Несмотря на войну, похоронки, –
Жил народ и он будет жить.

3.

Помню, как через год у нас пала корова.
 У болота объелась дурной белены.
 Мы её закопали и, честное слово,
 Ничего не припомню до самой весны.
 Только знаю, что мать без работы сидела:
 Брат болел, было не с кем оставить меня.
 Продала, что смогла, вместе с нами проела,
 Истопила почти половину плетня.
 А весной правление колхоза решило:
 По чекушке в день для меня выдавать
 Молока, и теперь, когда солнце всходило,
 Торопилась из дома с бидончиком мать.
 Только шла не на ферму – чего там чекушка!
 Раз в неделю возьмёт она всё молоко.
 Шла туда, где жила в пятистенке старушка,
 Ей, конечно, в войну было жить нелегко.
 Нашей маме она тогда так говорила:
 «Ты бери молоко, не стесняйся, ходи,
 Я одна, моих деток война погубила,
 У твоих-то, голубка, вся жизнь впереди».
 Нет давно на земле тихой бабушки Анны,
 Вот и мама ушла – добрым место в раю.
 У седых тополей ранним утром туманным
 Я на сельском погосте печально стою.
 Вот ползёт паучок по сухому жабрею
 И сорвавшись, летит в молодую траву.
 Я, наверно, уже никогда не сумею
 Отплатить им за то, что на свете живу.

4.

Обернуться назад, оглядеться,
 Отдышать время, словно стекло,
 Чтоб моё деревенское детство
 Вместе с утренним светом вошло.
 Пятистенный, с осевшею крышей,
 Кое-где перекрытый дерном,
 С каждым годом всё ниже и ниже
 Становился родительский дом.
 Где подправить, скрепить, замазать,
 Вбить ли гвоздь иль навесить крюк –
 Не хватало отцовского глаза
 И его работающих рук.
 У деревни Мариновка в июле
 Он сражён был фашистскою пулей.
 Сорок третий, в Донбассе жара.
 А Марина-жена в Зауралье
 В безутешной тоске и печали
 Всё ждала его, всё ждала.
 Что я помню: у дома телегу,
 Сохнут мытые фляги на ней.
 У ограды гусыню-шипегу,
 Она зла, но я буду умней.
 Кот с утра молока поджидает,
 Моет белую лапкою рот.
 Мать моя молоко собирает,
 Караулить меня оставляет
 От соседских гусей огород.
 Есть у памяти дивное средство –
 Всё, что было, опять воссоздать.
 Детство – милое сердцу наследство –
 Подарила мне добрая мать.
 Я туда, где привет и улыбка,
 Уплыву, как карась в камыши,
 Когда станет тревожно и зыбко
 И усталость коснётся души.

Звуки гармони, клуб деревенский,
 Голос мужской, смех слышался женский.
 Кепи, платочки, береты, косынки
 В вальсе плывут, как в воде камышинки.
 Сбор урожая. В колхоз заводчане
 Прибыли. Их принимают сельчане.
 Танцы устроили, всё честь по чести,
 Будут трудиться с рабочими вместе.
 Входят доярки одна за другою,
 С улицы шутки приносят с собою.
 Следом за ними идут трактористы,
 Парни что надо, все гармонисты.
 Даже Степан Афанасьевич, шорник,
 В клуб заявился, оставив свой дворик.
 Прячет усмешку: – Да здесь нынче праздник,
 Город деревню танцами дразнит.
 – Город деревню! Присядь-ка, дедуся,
 Эй, гармонист, плясовой не дождусь я,
 Русскую нашу, да с выходом, Коля,
 Сыль без огрехов, как сеялкой в поле.
 Парень по кругу, как конь норовистый,
 Быстро идёт, подгоняемый свистом,
 Свистом дружков своих, вдруг, сразу, схода,
 Ловко присев, отскочил от народа,
 Сучит чечётку, пляшет вприсядку,
 Взгляд на девчонок кидает украдкой.
 Топают к девушкам: – Милые токари
 Иль смените, иль завтра под тополи.
 С дробью занозистой, с полуулыбкою
 Выплыла в круг фрезеровщица рыбкою.
 Лёд голубой в синем пламени плавится,
 Кто перепляшет, кто переславится!

Двери открыты, распахнуты окна,
 Пол под ногами идёт ходуном.
 – Я по тебе, ягодина, не сохну,
 Не карауль до рассвета мой дом.
 – Эх! Наши лучше всех!
 Эй, пляши, пляши, пляши,
 Деревенских не смеши,
 Городские мальчики, отобьёте пальчики!
 – Хлопайте, хлопайте, только не глазами,
 Будет вам доложено, мы с усами сами.
 – Городские верх берут,
 Ну-ка шире, шире круг.
 Так ещё, ещё, ещё,
 Чёт иль нечет, нечет, чёт!
 Значит наши победят.
 – Эй, зови сюда ребят!
 – Ребятё, ребятё, где вы денег беретё?
 Хомуты воруетё,
 А на то пируетё!
 А гармонь, гармонь опять
 Что-то стала затихать,
 – Гармонист, гармонист, с кухни поварёшка,
 Не бывать тебе на моде, кабы не гармошка.
 – Ой, ребята, не могу,
 Ой, дела неважные,
 Спиношку свело в дугу,
 Пальцы, как бумажные.
 Смолкла гармонь. В тишине удивлённой
 Вышел на круг, сединой убелённый,
 Шорник Степан, самый старейший из дедов,
 Не записавшийся в круг домоседов,
 Не торопясь, оглядел своё место.
 Молвил: – Ну что, женихи и невесты,
 Если от сердца сказать, без ошибки,
 Пляшете вы по-ударному, шибко.

Ежели так на работе – тогда
Вам не страшна никакая беда!
Станете вы трудиться упорно
И завершите досрочно уборку...
Хлопают руки, слушают стены,
В вальсе танцуют одновременно
Кепи, платочки, береты, косынки,
Как на озёрной воде камышинки.

6.

Они сидели за столом
И не могли наговориться,
Был радостью наполнен дом
И добротой лучились лица.
Уехав в город к дочерям,
Они в село съезжались летом
К своим местам, к своим корням,
Чтоб запастись душевным светом.
Соседки звали их к себе
И так радушно привечали,
Как будто сёстры их встречали
По вдовой горестной судьбе.
Они сидели за столом
И вспоминали о былом.
И было всё, как бы вчера:
Война, работа дотемна,
Как тяжело с пшеницей куль
Ташить на мельнице скрипучей,
Но муж и сын фашистских пуль
В бою встречают град летучий.
Им там опасней и трудней.
Пройдёт ещё немало дней.
И все их мысли лишь о том,
Как натопить зимою дом,
Чем ребятишек накормить,
Как до конца войны дожить.

Потом они запели. Как!
И у меня в груди заныло.
И мама редко пела так,
Мотив красиво выводила.
Я удивлялась, что они
До слова знали песню эту,
Как наш солдат пришёл с войны,
А дома и жены уж нету.
И были скорбными слова,
И песня грустная звучала,
Как будто каждая вдова
Свою печаль в ней изливала.
И этих женщин уже нет,
Но как от звёзд всё будет длиться:
Той песни негасимый свет
И вдов торжественные лица.

ВETERАНЫ

I.

Он умирал, кричал ночами,
Глухой, доживший до седин,
Он не был брошен сыновьями,
Их уважал, но жил один.
Чтоб никого не беспокоить,
Ни с кем не ссорясь, не грубя,
Умел стирать, умел готовить,
Умел обслуживать себя.
Что думал он зимою долгой,
Кого он летом вспоминал.
Как убивал врагов на Волге,
Составы грозные взрывал.
Фашистов в плоскости паливших,
Он пулемётами косил.
Иль вспоминал друзей погибших?
Он их надолго пережил.
Но как они в бою горячем,
Предполагая ввысь лететь
Предельно собранным и зрячим
Он, не сдаваясь, принял смерть.
Так и лежал, остыв навеки,
Смотрели тусклые глаза,
Упрямо распахнувши веки
В свои родные небеса.

II.

Кинофильмы все сплошь про войну,
Всё про ту, где отцы наши пали,
Защищая родную страну
От сверхмощи из крупновской стали.
Молодые сегодня глядят
На усталых израненных предков,
И у теликов тихо сидят
Они с ними пошли бы в разведку.
Безотрывно строчит пулемёт
И под танками рвутся гранаты.
Безусловно, здесь враг не пройдёт,
Отобьют все атаки солдаты.
И, как знамя, вперёд понесут,
Свет любви, не запятнав, не скомкав,
И своих ослабевших потомков
Через годы духовно спасут.
Став преградой неверью и лже
На последнем для них рубеже.

ВОЗВРАЩАЮСЬ К СЕБЕ

1.

Позвонить тебе – телефона нет,
Написать тебе – долго ждать ответ.
Голос твой бы сам рассказал обо всём,
А письмо, оно так и будет письмом.

Тишина вокруг и метель метет,
А меня, мой друг, здесь никто не ждёт.
Я пойду туда, где снега кругом
И в лесу пустом твой дом.

Как шумят леса, как блестят снега,
Как метёт пурга, как скользит нога.
Вспоминать нельзя и забыть нельзя,
На щеке-то что: снег или слеза?

2.

Ты не чужой и не родной.
Я каждый день тебя встречаю,
Но ты проходишь стороной,
А я тебя не замечаю.
О, эта странная игра,
В ней нет намёков и уловок,
Она, как истина, стара,
И каждый в ней из нас неловок.
А клён насмешливо шумит
И нас он тенью не укроет.
Никто меня не успокоит,
Ничто тебя не примирит.

3.

Ты хотел меня видеть такой:
Неуступчивой, сильной и злой,
Ты желал, чтоб душа моя стала
Холодна, словно слиток металла.
Ты ответишь, что я не права
И опять, как всегда, сочиняю,
И твои столь простые слова
Я, в который уж раз усложняю.
Что ж слова – это только слова,
Может быть, снова я не права.

4.

Не разлюбив, расстались мы.
Нас разлучил нелепый случай.
Но ты, мой друг, себя не мучай,
Без лета не было б зимы.
А наше лето отцвело
И тополиный пух отвеял.
Вчера холодный дождик сеял
И ветер дул в моё стекло.

5.

Ты стал мучением моим
И в этом я не виновата.
Я знаю, что пришла расплата,
Как за огнём приходит дым,
И кроме божьего суда
Нас осудить никто не может.
И этот день, что нами прожит,
Давай запомним навсегда.

Где же слёзы горечи,
Чтобы сразу тишь,
Словно с детской горочки
К бабушке бежишь?

Где же слёзы горечи –
Два луча из глаз?
В той деревне горочки
Стаяли сейчас.

Я смотрела: летом,
В високосный зной,
Плакали рассветы
Светлою слезой.

Я смотрела: реки,
Они в дождь и гром
Утирали веки
Грозовым платком.

Ах, зачем берёзы,
Ах, зачем кусты
Копят в листьях слёзы? –
Спрашиваешь ты.

Что тебе ответить?
Что тебе сказать?
Как из тонких веток
Дерево связать?

Брошу. Озадачу.
И уйду пряма.
Никогда не плачу.
Не схожу с ума.

Уходит друг по той дороге,
Где нет столбов, где нет огней,
А он мне стал всего дороже,
Всего дороже, всех родней.

Окликнуть бы, вернуть обратно,
Открыть скрипучее окно.
И вновь бы стало всё понятно,
И было б всё, как быть должно.

Уходит дальняя дорога
Через леса в ночную тьму.
Как ему трудно, одиноко,
Как бесприютно одному.

И закричать – он не услышит.
Холодный ветер ивы гнёт,
Деревья серые колышет,
Позёмку белую метёт.

ОЗЕРО

Ух! Озеро – сковорода.
Бурлит кипящая вода.
Подкошенные ветром,
Со взмаха наповал
На два десятка метров
Идут – за валом вал.
А солнце накаляет
До красноты края,
И не шипит – стреляет
У берега земля.
Боятся даже гуси
Сойти к воде с песка,
И только пена бусом
Мелькает у плотка.

Какое солнце разноцветное!
А небо, небо-то какое!
Необозримое, приветное
И голубое, голубое.

За огородами поскотина.
Пасутся кони и телята.
О, моя маленькая родина,
Моя пахучая, как мята.

Ты ни о чём меня не спрашивай,
Как я живу, о чём тужу.
Ты знай себе коси-покашивай,
А я немножко посижу.

Мне хорошо, что степь колышется,
С литовки сыплется трава.
И где-то рядом песня слышится,
Да неразборчивы слова.

А за рекой темнеют дачи,
А над рекою облака.
И носит ветер лай собачий
От бугорка до бугорка.

Иду по берегу, ласкаю
Рукой зелёную траву.
На горизонте зелень тает
И переходит в синеву.

Растёт у берега ракета,
Речную воду сторожит,
А над раkitой деловито
Летают лёгкие стрижи.

И сколько нор кругом, но в поле
Ты не заметишь грызуна.
Какая тишь – уж дождь бы, что ли,
Но как обманчива она.

И лабазник ещё не скошен,
Не снят на дачах урожай.
И кто поверит, что заброшен,
Забыт, затерян этот край.

Когда вскипит уха и будет чай готов,
И вспыхнет свечка на столе походном,
И закружатся стаи мотыльков
Над свечкою пушистым хороводом,

Тогда придут башкиры, не спеша
Усядутся под липой вековой,
А мы к столу их станем приглашать,
А мы их станем угощать ухой.

Они в горах живут давным-давно.
Они расскажут, что за тем обрывом
Есть озеро с форелью, и оно
Огромно и бездонно, и красиво.

Потом, когда затихнет разговор,
Мы будем слушать, как плывёт куда-то
По тихим склонам европейских гор
Тоскующая песня азиата.

Этот вечер последний у нас,
Ровно в полночь взлетят самолёты.
Время, кажется, в первый раз
Опоздало свести с нами счёты.
Этот вечер последний у нас.

Я не верю в приметы давно,
Пусть же будут в почёте приметы,
Если в стопке осталось вино,
Если песни не все перепеты...
Я не верю в приметы давно.

И до полночи так далеко,
Веселись, наше дружное вече,
Нелегко, дорогой, нелегко
Радость праздновать в этот вечер.
И до полночи так далеко.

Этот вечер последний у нас,
Ровно в полночь взлетят самолёты.
Время, кажется, в первый раз
Опоздало свести с нами счёты.
Этот вечер последний у нас.

Спит котёнок у чёрного ящика,
Завернувшись в оранжевый мех.
Метит солнышко белого зайчика
На его остроухий верх.

Во дворе раскудаhtалась курица,
Остальные сбегаются к ней.
Я в деревне, на тихой улице,
Проживу дома несколько дней.

Две соседки идут за оградой.
На корзинах порезка-трава.
Позови меня, мама, по ягоды
В те места, где рубили дрова.

Я забуду про кладку кирпичную,
Пусть гудят надо мной комары.
Я в ответ отсыревшей спичкою
Разожгу костерок из коры.

Будет пламя к валежнику ластиться
И лизать золотую росу.
Позови меня, мама, на Матицу.
Я давно не ходила в лесу.

В ДОРОГЕ

Весёлый август. Людям, как всегда,
В такую пору дома не сидится:
Одни желают отдохнуть в столице,
Других увозят к морю поезда.
А мне автобус – самый лучший друг.
И нужно мне для радости немного:
Была б сухой шоссейная дорога,
Да чтоб берёзы белые вокруг.
Смотрю на небо – синь до облаков,
Смотрю на поле – зелень от пшеницы.
Такой простор нам в городе лишь снится;
Там есть асфальт, но тесно от домов.
А грейдер, он струится широко,
И вдоль него, как вдоль реки – деревни.
И грейдер этот сельских рук творение.
Сельчане сами строили его.
Здесь раньше было множество болот,
Их нынче повсеместно осушили.
Здесь раньше люди небогато жили,
Но от земли не уходил народ.
Сейчас такие в поле трактора!
Я думаю. И вижу: половина
Обменов осталась, магазина
Давно уж нет, а будто бы вчера
Мы ездили с подругами на танцы.
И были голосисты вечера,
Велосипеды наши до утра
Лежали возле этого двора,
А нынче в нём пенсионеры-старцы.
И озеро зелёным камышом
Всё заросло и никому не нужно.
Обменовцы, на что же вы так дружно
Все обменяли озеро и дом?

Опять пошли поля вдоль большака
И были тучны и богаты нивы,
Но стало мне темно и сиротливо,
Гнела мне душу смутная тоска.
И было страшно: вдруг из-за леска
Вместо моей, родной моей деревни
Покажутся забытые деревья
И с ряской лужа вместо озера.

Удивляешь меня, разве можно забыть
Тихий пляж и вдали очертанья Кронштадта?
Пусть не год, только месяц, урвав у судьбы
Как мы верили в дружбу старинно и свято.

Как мы шли по песку, как, по-детски смеясь,
Собирали ракушки и снова теряли,
Понимали, что это единственный раз
Нам дано и потом повторится едва ли.

А вокруг тишина, на песке ни души,
Только небо да волны, да берег пологий.
Если это забуду, то чем стану жить,
Чем себя успокою в минуту тревоги.

Ни цветы, ни деревья, ни скошенный луг
Не заменят мне всё ж человеческого сердца.
Но костры неизбежных и скорых разлук
Помогли нашей дружбе сильней разогреться.

Как мы ходили, как сидели,
Как сосны по верхам шумели
В одном из царственных боров.
Ты нёс в ведре таких пригожих,
Маслят, на солнышко похожих.
Их было много, тех грибов.

И мы не то, что заблудились,
Но где-то всё ж с дороги сбились,
Брели куда-то наобум.
И свет прозрачный, предосенний,
И сладковатый запах сена –
Всё врачевало дух и ум.

А где-то там, правой немного
Уж ясно слышалась дорога,
Протяжный шум, скрипучий звук.
Нам не хотелось расставаться,
Хотели мы увидеть зайца
Хоть одного, а лучше двух.

И вдруг заметил ты на ветке,
Чуть-чуть светлей твоей барсетки,
Сидела белочка, она
Хвостом пушистым сук прикрыла,
На нас взглянула и забыла,
Как будто здесь была одна.

Нам это показалось странным,
На удивленье первозданным
И мы притихли, не дыша.
Боялись этот миг нарушить,
Когда её и наши души
Вдруг стали как одна душа.

Не омрачив зверька, ушли мы
И только, став неразличимы,
Заговорили, что наш бор
Жечь и калечить – преступленье,
Он нам опора и спасенье
С далёких пор и до сих пор.

Какая могучая сила
В прямом, безобидном дожде.
Все боли она отпустила,
Все страсти она погасила
И влагой легла в борозде.

Спокойные кроны деревьев,
Зелёный нескошенный луг.
Наполнены радостью древней
От тёплого лета вокруг.

А дождик всё льётся и льётся,
Усталую землю кропит.
Назойливо мошка не вьётся,
Старик-коростель не скрипит.

Притихли и травы, и звери,
Всё дышит, вбирает и пьёт.
Все полны друг к другу доверья,
И спорить никто не начнёт.

А сколько добра ещё будет
От маленькой капли живой.
Найдут её в ягодах люди,
В грибах и в траве полевой.

Отступят бессилье и слабость –
Приметы житейских вериг.
И снова щемящая радость,
Как ливнем окатит на миг.

СОДЕРЖАНИЕ

Немного о себе	3
-Здесь куролесил ураган...»	4
Рядом со мной	5
Наедине с рекой	6
Хорошо на свете жить!	7
В предзимье	8
-Тяжело возвращаться на родину...»	9
Птицы	10
1. Воробей	10
2. Голубь	11
3. На карнизе окна	12
4. Синицы	13
5. Сорока	14
Чайки	15
1. «В разгаре лета, в глубине июля...»	15
2. «Нашу лодку речка синяя качала...»	16
3. «Не сорок и не галок zobастых...»	17
-Простодушие твоё и доверчивость...»	18
России	19
Так жили	20
-Я в лесах пустошки знала...»	21
Воспоминание о грозе	22
I. «Давайте, давайте, давайте...»	22
II. «Гроза, талантливо играя...»	23
-Холодный ветер прям и жгуч...»	24
Летний день	25
Время травостоя	26
-Вечереющая река...»	27
Зной	28
Сенокос	29
У клёна	30
В магазине	32
-Как быстро нынче лето пролетело...»	33
Зима	34
-В доме спят и только мне не спится...»	35
-Мимо этого дома и мимо окна...»	36
Начало	37
-Если город свой любишь очень...»	38
-Опять кирка, опять лопата...»	39
Оператор	40
Снежинки	41
-Я строила панельные дома...»	42
Письмо из юности	43

На родине	44
Хозяйка	45
Звёзды	46
1. «Ты столько раз меня спасал...»	46
2. «У меня был в детстве дружок...»	46
3. «Мне не верится, нет, не верится...»	47
4. «За любовью страх идёт...»	48
5. «Вечер, сумрачно в палате...»	49
6. «Ах, какие конёчки были!...»	50
7. «Там, у озера, на берегу...»	51
8. «Свою единственную жизнь...»	52
9. «А если бы мимо промчалась беда...»	53
10. «Когда перестоит трава...»	54
11. «Возле яркой луны...»	55
Уединение	56
О юности	57
Не забыла	58
I. «Ничего уже не будет...»	58
II. «Идёт весна, и солнце ярче греет...»	59
И радость забьётся в груди	60
Велосипед	61
Давнее	62
1. «Деревенский дощатый стол...»	62
2. «Вспоминается давнее в дальнем краю...»	63
Раздумья	64
1. «Хочу надыхаться прохладой...»	64
2. «Словно призрак среди белого дня...»	65
3. «Небо прозрачно от холода...»	66
Река поэзии	67
Единомышленники	68
Клад	69
I. «Стель была горячая, сухая...»	69
II. «Что вам Марс, когда в Антарктиде...»	70
Соседки	71
На вокзале	72
Берега	73
Собаки	74
-Город, город, а собак-то сколько...»	75
Охранник	76
Времена поменялись местами	77
Арендаторы	78
-Какое солнце разноцветное...»	79
Ирга	80
Огород	81
Ночью	82

Снег	83
I. «Какой это снег, какой...»	83
II. «На ладошку снег возьми...»	83
III. «Неожиданно, ярко и молодо...»	84
IV. «Сколько света от белого снега...»	84
V. «Мороз не так морозит...»	85
VI. «За окном спустился синий морок...»	85
Топят печи	86
1. «Из Шевелёвки тянет дымом...»	86
2. «Здесь нравы те, что раньше были...»	87
Деревья	88
I. «Деревья ходят ночью...»	88
II. «В старом парке наводят порядок...»	88
III. «Срубили дерево...»	89
Сосна	90
Ровесница века	91
Память	92
1. «Грохотала война...»	92
2. «Помню женщин тревожное пенье...»	93
3. «Помню, как через год...»	94
4. «Обернуться назад, оглядеться...»	95
5. «Звуки гармонии, клуб деревенский...»	96
6. «Они сидели за столом...»	98
Ветераны	100
I. «Он умирал, кричал ночами...»	100
II. «Кинофильмы все сплошь про войну...»	101
Возвращаюсь к себе	102
1. «Позвонить тебе – телефона нет...»	102
2. «Ты не чужой и не родной...»	102
3. «Ты хотел меня видеть такой...»	103
4. «Не разлюбив, расстались мы...»	103
5. «Ты стал мучением моим...»	103
«Где же слёзы горечи...»	104
«Уходит друг по той дороге...»	105
Озеро	106
«Какое солнце разноцветное!...»	107
«А за рекой темнеют дачи...»	108
«Когда вскипит уха и будет чай готов...»	109
«Этот вечер последний у нас...»	110
«Спит котёнок у чёрного ящика...»	111
В дороге	112
«Удивляешь меня, разве можно забыть...»	114
«Как мы ходили, как сидели...»	115
«Какая могучая сила...»	117